

18+

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВ-СИБИРЯК

Мистическое эхо войны

НЕВЕДОМОЕ

Евгений Павлов-Сибиряк

**Мистическое эхо
войны. Неведомое**

«Издательские решения»

Павлов-Сибиряк Е.

Мистическое эхо войны. Неведомое / Е. Павлов-Сибиряк —
«Издательские решения»,

Война не заканчивается с последним выстрелом. Она остаётся в земле, в памяти тех мест, где лилась кровь. Иногда она прорывается в нашу реальность — призраками на полях сражений, голосами из ниоткуда. Эта книга — свидетельства тех, кто прошёл через войну и выжил. И тех, кто встретился с её мистическим эхом спустя десятилетия. Здесь нет вымысла. Только факты, которые не вписываются ни в одну логическую схему. Только мистическое эхо войны, которое не стихает десятилетиями.

Содержание

Пролог	6
Исповедь старого сапера, или Церковь, которую он взорвал	7
Отложенная смерть, или Эффект замедления времени	10
Призраки минувшей войны	13
Призрачный воин-спаситель	16
Паранормальное на войне	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мистическое эхо войны Неведомое

Евгений Павлов-Сибиряк

© Евгений Павлов-Сибиряк, 2026

ISBN 978-5-0071-0977-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Мистическое эхо войны» — очередной сборник историй в многотомной серии «Неведомое».

Эта книга свидетельствует о том, что война не заканчивается вместе с последним выстрелом, взрывом. Она остаётся не только в исторических хрониках, в людской памяти. Но и в земле, в памяти тех мест, где лилась кровь. Война может напомнить о себе через много лет — призраками на местах кровопролитных боёв, голосами, звуками боёв из ниоткуда. Или женщиной, которая приходит в критический момент, чтобы спасти советских солдат, попавших в ловушку душманов, а потом исчезает, не оставив следа.

Здесь — свидетельства тех, кто прошёл через войну и выжил. И тех случайных людей, кто встретился с её мистическим эхом спустя десятилетия. Никто из них не искал намеренно встречи с необъяснимым, неведомым. Просто однажды грань между прошлым и настоящим стала настолько тонкой, что сквозь неё можно было услышать, разглядеть то, что уже должно было исчезнуть, умереть. Но не умерло. Нет, война не заканчивается. Она лишь затихает. И ждёт. Когда кто-то окажется в нужном месте в нужное время, чтобы услышать её голос.

Книга «Мистическое эхо войны» — это, пожалуй, самый пронзительный сборник из всей серии. Здесь, как всегда, нет вымысла. Здесь — свидетельства людей, которые прошли через войну и столкнулись с тем, что не укладывается ни в какие логичные объяснения. Сапёр, лётчики бомбардировщик Пе-2, ветераны Великой Отечественной войны, солдаты-афганцы, и те, кто воевал на Кавказе, обычные люди, которые сталкивались с паранормальными явлениями, видели призраков прошлого, слышали голоса из ниоткуда и получали неожиданную помощь, предупреждения, спасавшие жизни.

Исповедь старого сапера, или Церковь, которую он взорвал

Это случилось на западе Курской области, в середине девяностых. Время тогда было смутное, рваное, как старый брезент. Разрушенная страна вступила в эпоху великих перемен, кто-то наживался, кто-то неумолимо нищал, а кто-то, как я, просто пытался найти тихую гавань. Я тогда работал вахтовым методом и во время отдыха перебирался жить в деревенский дом. После северных просторов в тесноте городской квартиры, в этом муравейнике многоэтажки, мне становилось душно. Не физически, а душевно. Хотелось вернуться к родной земле, погрузиться в тишину, чтобы за окном слышать не нудный гул машин, а радующие душу трели птиц. И я перебрался в домик, который перешел мне по наследству. Там было хорошо. Лес рядом, тихая речка, покой.

Однажды в соседнем обшарпанном домике появился новый жилец. Одинокий дед. Старый, сухонький, с лицом, изрезанным морщинами, как высохшая земля. Звали его дядя Миша. Раньше я его здесь никогда не видел. Появился он тихо, словно выпал из ниоткуда. Жил незаметно: иногда ковырялся на своём участке. Но чаще всего просто сидел на лавочке возле веранды, курил дешёвые папиросы и смотрел в одну точку, на дорогу, уходящую в сторону соседнего поселка.

Как-то в конце июля, когда я грузил в старенькие «Жигули» выращенный урожай огурцов, он окликнул меня:

— Сынок, не подбросишь? Мне бы до райцентра.

Я кивнул. Стариков подвозить — святое дело. Да и дорога неблизкая, а вдвоём ехать всё же веселей. Он сел в машину, долго устроившись на кресле, кряхтел, а потом, когда мы выехали за деревню, заговорил. Известное дело, старикам надо выговориться. Особенно одиноким.

История у дяди Миши была долгая и горькая, как настой полыни. Он рассказал, что старуха его померла пять лет назад. Взрослые дети — двое — давно разлетелись по стране. Дочь в Москву перебралась, а сын на Север, за длинным рублём. Последний раз он их видел на похоронах матери. После этого пропали. Ни писем, ни звонков. Живы ли — неизвестно. Остался он один в двухкомнатной квартире. С тоски начал выпивать. Не запойно, а так, временами глушил тоскливого червячка. А потом... потом его развели аферисты. Риелторы-мошенники. По его словам, даже не понял, как остался без городского жилья. Подписал какие-то бумаги, и его вскоре привезли сюда. Сказали: «Доживай, дед, здесь, но только тихо».

— Повезло, что живым остался, — усмехнулся он невесело. — Могли ведь и в лесу закопать. А эти хоть денег оставили. Немного.

Я слушал и чувствовал, как внутри закипает глухая, бессильная злоба. На этих шакалов, на время такое лютное, бандитское, незаконное, на всё. А он говорил дальше. Оказалось, в Отечественную войну он воевал именно в этих местах. Был сапёром. Его еще осенью 1939 призвали, на зимней войне воевал. Выжил. А в 1941 году сразу оказался на фронте. Мины ставил, разминировал, мосты и разные объекты взрывал. Всё как положено солдату.

— Здешние места хорошо помню, — сказал он, ткнув пальцем в стекло. — Только всё сильно изменилось. После войны шрамы на земле затягиваются, травой зарастают, а в душе шрамы от войны остаются навсегда.

Я высадил его в городе, возле магазина. Он пошёл по своим делам, а я повез свой собранный урожай домой. Как старик потом добирался обратно — не знаю, но через пару дней он снова сидел на своей лавочке, курил и приветственно кивал мне.

С тех пор мы здоровались всегда. Я, по возможности, помогал чем мог: воды принести, дров наколоть, продукты привезти. Он был мужиком необременительным, не жаловался, лишнего не просил. Просто жил. Отмеренный судьбой срок доживал.

В следующий раз я подвозил его через пару недель. На въезде ближайшего посёлка, справа от дороги, всю кипела стройка. Котлован, груды кирпича, подъёмный кран торчит.

— Слышал, что церковь ставят, — сказал я, кивая в ту сторону.

Дядя Миша молча смотрел на стройку не отрываясь. Потом, после долгой паузы, глухо проговорил:

— А ты знаешь... тут раньше уже была церковь. Большая, красивая. А я её... взрывал. Не хотел, но пришлось.

У меня внутри всё оборвалось.

— Как взрывали?

— А так. Шла война. Тяжелый сорок первый год. Я сапёром был. Приказ поступил — отступая, уничтожить всё, что врагу может пригодиться. А церковь здесь на холме стояла. Немцы бы в ней наблюдательный пункт сделали. Вот нам и приказали взорвать. Как я не хотел этого делать... Душа не лежала. Но заложили заряды. Я два раза закладывал. Первый раз — мало оказалось. Церковь устояла. Второй — уж по-взрослому... Всё рухнуло. Красивая была. Белая, с колокольной. Всю жизнь об этом горько сожалел. Душа болела. — Он вздохнул, и в этом вздохе была такая тоска, что мне захотелось остановить машину и просто помолчать вместе с ним.

Я не знал, что сказать. Историю не изменишь. Война есть война.

Время шло. Золотая осень сменила отшумевшее лето. Дядя Миша заметно сдал. Он уже не ковырялся в саду, только сидел на лавочке, кутаясь в старый ватник. Однажды поздним вечером, уже в сгустившихся сумерках, я услышал тихий крик. Вышел на улицу — темно, ничего не видно. Прислушался — зовут меня. Голос дяди Миши. Я рванул к его дому. Он лежал возле своей скамейки, на земле, пытался подняться, но не мог — сил не было.

— Споткнулся, — прохрипел он. — Помоги, Христа ради.

Я занёс его в дом, уложил на кровать. Он был лёгкий, как пушинка, кожа да кости. Я принес с кухни стакан воды, сел рядом, на табуретку. В комнате пахло бедностью, одиночеством и какой-то безысходностью.

— Тяжело вам одному, дядь Миша, — сказал я. — Может, в больницу отвезу?

Он покачал головой:

— Не... Не надо. Я всё решил. Каждый раз, когда спать ложусь, думаю: хорошо бы не проснуться. Устал я, сынок. Жить не хочу.

Меня эти слова резанули по живому. Человек прошёл две жуткие войны, пережил многое, разруху, потерю близких, его обманули, бросили, а он — не злится, никого не проклинает, а просто тихо хочет умереть. Это было выше моего понимания.

И вдруг... Я не знаю, как это объяснить. Это не был голос в привычном смысле. Никто не стоял рядом, не говорил надо мной, не шептал в ухо. Но внутри меня, в самой глубине, раздался голос, какой-то нейтральный, не понять мужской или женский. Слово в слово:

«ОН УМРЁТ, КОГДА ЦЕРКОВЬ ПОСТРОЯТ. ОСВЯТЯТ».

Я вздрогнул от неожиданности. Оглянулся — никого. Только дед лежит, смотрит задумчиво в потолок. А слова уже стали обрастать плотью, превращаясь в понимание. А ведь он возможно появился здесь не просто так. Не просто риелторы-мошенники привезли, а сама судьба привела. Свела два берега: старый сапёр, разрушивший храм полвека назад, и новый храм, поднимающийся из руин. Чтобы он дожил. Чтобы увидел. Зачем? Может, чтобы его простили? Или чтобы он сам себя простил? Я не знал. Но не знание это сидело во мне болезненно, словно заноза.

Я ничего не сказал ему тогда. Язык не повернулся. Вот вы бы стали говорить старику, который жить не хочет, что-то типа: «Держись, дед, ты умрёшь, когда разрушенную тобой церковь достроят»? Скорее всего, нет. Вот и я промолчал.

Уже будучи дома, я рассказал обо всей жене. Она слушала, поджав губы. Потом пожала плечами:

— Мало ли что в голову взбредёт. Устал ты, перенервничал из-за деда.

Друзьям рассказал — те тоже отнеслись скептически. Но не смеялись. Слишком серьёзным было моё лицо, наверное. А я и сам потом начал сомневаться. Ну, подумаешь, мысль странная пришла. С кем не бывает.

Прошло полтора года. Все это время стройка церкви шла. Уже выросли стены, заблестели купола. Над посёлком поплыл первый, пробный звон колоколов — глухой, непривычный, но красивый. Дядя Миша всё сидел на своей лавочке. Он уже почти не вставал, соседка, сердобольная бабка, носила ему домашнюю еду. Старик внешне сильно сдал, но держался.

И вот наступил день открытия дверей новой церкви. Праздник был большой. Съехалось много народу, даже пешая колонна с иконами пришла из соседнего района. Люди улыбались, крестились, плакали. Я тоже пошёл. Посмотрел на освящение, постоял на первой службе. Было светло и торжественно.

Вернулся домой под вечер, уставший, но с каким-то тёплым чувством внутри. А на крыльце меня уже ждала соседка.

— Слышь, — сказала она, крестясь. — А дяди Миши нашего не стало. Сегодня в полдень. Я ему есть принесла, а он при мне глаза закрыл и тихо дух испустил. Царствие ему небесное.

Я остановился. Меня пронзили ее слова «Не стало. Сегодня в полдень». В то самое время, когда освящали церковь, когда били колокола, когда сотни людей радовались возрождению святыни, старый сапёр, взорвавший её полвека назад, тихо ушёл.

Я зашёл в дом, сел на табуретку и долго сидел молча. В голове крутилась одна и та же мысль «Срок пришёл. Церковь освятили — и ушёл». Я не знаю, был ли тот внутренний голос вестью свыше, игрой подсознания или просто странным совпадением. Но слишком уж точным оказалось это совпадение. Слишком символичным.

Дядя Миша так и не узнал, что мне было известно о дате его ухода. Может, оно и к лучшему. Он ушёл спокойно, примирившись. А я остался с этим знанием. И теперь, проходя мимо церкви, слыша переливы колокольного звона, всегда вспоминаю сухонького старика в ватнике, который сидел на лавочке, курил папиросы и смотрел вдаль, туда, где когда-то стояла белая церковь, которую ему пришлось дважды взрывать. И мне думается: нет, не случайно всё в этой жизни. Ничего не случайно. Даже мошенники-риелторы могут стать орудием высшей справедливости. Или милосердия.

Отложенная смерть, или Эффект замедления времени

Реальность и паранормальное всегда находятся рядом! Граница между ними настолько тонка и незаметна, что при определённых обстоятельствах она может исчезнуть, и тогда происходят самые удивительные вещи. Я знаю это не понаслышке. Не из книг. Сам несколько раз стоял на той грани, где время перестаёт вести себя как обычно, а смерть превращается в нечто такое, что можно увидеть, обойти и даже — обмануть.

Полагаю, многие слышали о случаях, когда в экстремальных ситуациях, в момент смертельной опасности, время для человека как бы замедляется или вообще останавливается. Видимо, это какая-то скрытая особенность нашего организма. Защитный механизм, который включается, когда всё остальное уже бесполезно. Когда остаётся только надеяться на чудо. Человек, испытавший сильнейший стресс, и уж тем более прошедший войну, перерождается, ему открывается нечто непостижимое рассудком. Обычному человеку это сложно объяснить, для этого требуется особый, экстремальный опыт. Тот, кто не был под пулями, не слышал свиста осколков над головой, — тот не поймёт.

А у меня такой опыт имеется. Было несколько раз. Расскажу о двух особых случаях выживания. О двух моментах, когда я буквально смотрел смерти в лицо — и она прошла мимо.

Первый раз это произошло в Афгане. Я тогда смерти в глаза заглянул, но чудом выжил, напоровшись в горах на лежку снайпера. Был ноябрь 1985 года. Война двигалась по своему смертельному, разрушающему плану, и для любого из нас каждый день мог стать последним. Ехали колонной («ниткой») по обычному маршруту на смену блокпоста. Привычная дорога между Хостом и Гардезом, не раз прочёсанная сапёрами с собаками. «Духи» (моджахеды, душманы) тогда не совались туда, потому как концентрация наших войск в этом районе была предельная. Там как раз в то время была расположена десантно-штурмовая бригада. Это значительно позже, в декабре 1987 года, «сарбазы» потеряли контроль над городом Хост и дорогой Хост — Гардез, и они перешли в руки душманов. А в 1985 году здесь было относительно спокойно, такая тишь да благодать.

«Нитка» из четырёх «коробочек» — двух БМП, двух БТРов — и четырёх «фанер» — трёх Уралов плюс один «наливник» — быстрой змейкой скользила между скальными выступами по дороге. Впереди шла головная походная застава, в том числе БТР с «яйцами» — катками впереди для обезвреживания фугасов и мин. Я — лейтенант, взводный. По обыкновению, сижу на броне БМП, глотаю пыль, держусь рукой за ствол пушки, а другая лежит на автомате. В общем, нормально двигаемся по маршруту. Погода хорошая, в небе синева, день солнечный, тёплый, что для местного ноября не совсем привычно. Ветерок приятный, в горах тишина. Казалось, сама природа даёт нам небольшую передышку. Но война — зараза, не даёт солдатам передышек.

Вдруг на головном БТРе поднялась суматоха, и тут же в рацию крик: «Стоп, к машинам! Работает снайпер! Комроты тяжёлый!» Тихо же было, по-мирному, а тут — бах, и такая «вешалка». Кровь на броне, суета, крики. Война вернулась. В клубах пыли десант слетел с брони. Пытаемся сориентироваться: кто, откуда стрелял? Вскоре стало понятно: выстрел был явно сверху и справа по ходу. Место для засады — идеальное. Скалы, валуны, расщелины, густые тени. Снайпер притаившись мог сидеть там часами, и никто бы его не заметил.

Я быстро выбрал из отделения сопровождения семь «черпаков» — опытных, послуживших больше года бойцов. Это те, кто уже нюхал порох, кто неоднократно видел смерть, кто зачерствел душой. С ними я был спокоен. Решаю прочесать правый утёс и местность рядом с ним. Скажу честно, надежды найти кого-нибудь практически не было, поскольку после того как снайпер отстрелялся, он, как правило, старается быстро скрыться. Если не дурной. В общем, прочесали намеченный сектор, сколько время позволяло, и ни с чем начали спускаться

к дороге, где в ожидании замерла колонна. Предварительно одного бойца поставил «на мушку» — наблюдать, прикрывать.

Я шёл на три-четыре шага впереди, и тут увидел на сыпuxe какие-то смазанные следы, как будто недавно здесь что-то протасили. Вижу, впереди меня метрах в двадцати валун размером с танк, но низкий и плоский. Я предупредительно поднял руку, подал знак бойцам: «Внимание!» Они замерли, насторожились, пристально вглядываются по сторонам, ловят каждый шорох. И вдруг у кого-то из-под ног круглые камушки покатались, предательски зашебуршали.

В этот момент из-за валуна выскакивает душара, бородатый араб с СВД-хой в руках. У меня мелькнула мысль: «Вот и всё. Как глупо». А дух вскидывает ствол и стреляет фактически в упор. На таком расстоянии пуля СВД прошивает «броник» навывлет, даже вместе с разгрузкой. Без вариантов. Неоднократно доказано. Ситуация безнадёжная, место открытое, голое, нигде не заляжешь, не спрячешься. Меня может спасти только чудо. И оно случилось. Произошло нечто невероятное.

Вмиг как будто всё остановилось, абсолютно всё. Тихо стало кругом, только в висках слышится пульс редкий-редкий. А воздух превратился в тяжёлый, тягучий кисель. До невероятной степени усилилось зрение — в жизни никогда не видел столько мелких деталей за мгновение. Вижу всё, что происходит кругом, даже сзади: там находятся бойцы, замершие в странных позах, и они очень медленно, как по миллиметру, двигаются. Вижу каждую складку на их форме, каждую песчинку, которая медленно падает с их ботинок. Вижу, как один из них открывает рот, чтобы крикнуть, — но звука нет. Только тишина.

Перевожу глаза в сторону духа со вскинутой СВД. Он выглядит как плоская картина, словно неживой, оцепеневший. И вижу в паре метров летит и крутится блестящая, как надрванная армейская пряжка, пуля. Прямо мне в голову. Она вращается, оставляя за собой едва заметный шлейф, как комета, и я вижу нарезы на ней, даже отблеск солнца. То есть вижу то, что с учётом скорости полёта пули человек никак видеть не может. Но я почему-то вижу! И летит она так медленно, что понимаю — могу спокойно отойти в сторону.

Что и делаю. Шагаю влево, заваливаюсь на спину. Пуля пролетает выше — это отчётливо вижу. А я направляю ствол своего АК на духа, и тут у него на груди справа налево появляются дырки, из которых вылетают капли алой крови. Душмана откидывает на валун, и он медленно по нему сползает. Я смотрю на это, и в голове одна мысль: «Я жив. Я жив!»

И после этого всё пришло в прежнюю норму, исчезла непонятная замедленная реальность. Снова появились звуки, запахи. Лежу на острых камнях. А рядом и сверху бойцы возбуждённо кричат: «Смотри-ка, живой и даже не раненый! А мы уж думали... Ведь душара в упор шмалял... Попадали, думали, всё, трындец...» Пацаны подбегают, радостно галдят, для них было всё как обычно, а вот для меня время остановилось. Я лежал, смотрел в бездонное небо и не мог пошевелиться. Тело было чужим, тяжёлым, как будто я нёс на себе тонну груза, и она придавила меня.

А араба пристрелил не я, а парнишка, шедший немного выше остальных, тот самый, которого заранее «на мушку» поставил. Спустился к нам, говорит: «Смотрю, все падают, а взводный стоит как ни в чём не бывало. Короткой очередью мочу духа, смотрю, летёха лежит, думаю — всё, конец, двухсотый».

Спустя время — непонятно, сколько длилось это состояние — всё обрело нормальность. Но у меня дикая тяжесть во всём теле появилась, пот градом, навалилась жуткая усталость — будто в одиночку машину БК — боеприпасов — разгрузил. Раньше слышал о подобных ситуациях на войне, так некоторые выжившие про разную мистику говорили. Нет, никакая жизнь у меня перед глазами не «пролетала», никаких умерших родственников не видел. Только яркая блестящая пуля вращается перед лицом — и всё. И потом понимаешь, что смерть была в сантиметре, но почему-то прошла мимо. И ты не знаешь — за что тебе такой бесценный подарок судьба преподнесла.

Второй подобный случай произошёл почти десять лет спустя на Кавказе, в Чечне, во время одного боестолкновения. Наша колонна по горному ущелью двигалась и попала в грамотную засаду. «Чехи» подорвали переднюю «коробочку» и замыкающую. Начался бой. Всё смешалось в один кровавый ком. Дым, пыль, осколки, крики. Я снова был в центре смертоносного ада.

В какой-то момент повторилось то, что со мной в Афгане случилось. Снова время остановилось. Образовался вакуум, воздух вокруг стал очень плотным, как некая густая, вязкая субстанция. Звуки почти не слышны, кричишь и понимаешь, что кричишь беззвучно. Но вновь усилилось зрение — хорошо видны фонтанчики пуль по горной дороге, разрывы гранат РПГ.

Всё происходит в замедленном темпе, как в старом беззвучном кино. Я вижу, как очень медленно ходит затворная рама АК, как отлетают дымящиеся гильзы, как из ствола вылетают, раздвигая воздух, пули. Даже как они вращаются. Рожок опустел, медленно перезаряжаю. И тут вижу: рядом, метрах в пяти, в землю втыкается мина. По её корпусу побежали огненные трещинки, превращаясь в яркое разрастающееся зарево. Из него медленно вылетают осколки разорвавшейся мины. Они оплавлены от высокой температуры. И один летит прямо мне в грудь, так медленно, что видно, как с его кромки воздухом срывается капля металла. И вновь понимаю, что могу отвернуть с пути приближающейся смерти. Опрокидываюсь на спину и вижу, как смертоносный кусок железа пролетает выше и ударяет в камень, за которым укрывался. Смотрю на этот камень, на котором остаётся глубокая, дымящаяся вмятина, и чувствую, как по лицу течёт холодный пот. Ещё мгновение — и я был бы мёртв. Никогда такое не забуду.

Конечно, потом неоднократно размышлял о случившемся. И вот что понял. Время действительно имеет свойство неожиданно растягиваться в критические моменты, когда в окружающем мире всё вдруг резко замедляется и все движущиеся предметы начинают это делать в прерывистом режиме, оставляя человеку время и возможность на реакцию. При этом эффект замедления времени возникает только в экстремальных условиях. Его искусственно не вызвать, нужен реальный риск, когда необходимо быстро принимать единственное верное решение. Это связано с тем, что в таких ситуациях в кровь выбрасывается доза адреналина, который активирует все защитные механизмы организма.

Именно поэтому в критических обстоятельствах люди способны неожиданно ясно мыслить, быстро действовать и находить правильные решения. Все органы чувств работают на пределе возможностей, информация собирается максимально быстро, более точно, а физические силы, которые в обычных условиях кажутся нечеловеческими, активируются из скрытых резервов организма. Но я знаю — это не просто адреналин. Это что-то большее. Это момент, когда грань между жизнью и смертью становится настолько тонкой, что ты можешь её не только почувствовать, но и увидеть. И если тебе повезло — обойти её стороной. Я обошёл. Дважды. И до сих пор не знаю, за что мне этот дар.

Призраки минувшей войны

Тема мистики и паранормальных явлений всегда была в центре внимания людей. Однако до сих пор нет однозначного ответа на вопрос: существует ли мистика на самом деле, или это фантазии, предрассудки? В основном люди верят. Только одни верят в то, что мистика существует, а другие — что её нет. И те, и другие уверены в своей правоте. Но ни те, ни другие не могут однозначно доказать обратного.

Хотя есть люди, которые не верят в сверхъестественное — ни в чёрта, ни в Бога, ни в паранормальные явления и прочие чудеса, — потому что никогда с ними не встречались. Но даже среди них находятся те, кто допускает возможность существования чего-то, что пока неизвестно науке. Чаще всего они говорят, что, когда сами увидят что-то необычное, тогда и будут обсуждать вопрос веры. Вот только когда они видят — они часто молчат. Потому что не могут логично объяснить произошедшее. И потому что боятся, что их не поймут.

Так уж человек устроен, что, даже столкнувшись лицом к лицу с чем-то загадочным, неподдающимся объяснению, сперва удивляется, затем пытается увиденное списать на игры разума. Так проще. Так безопаснее. Так можно продолжать жить, как прежде жил, не пересматривая свои убеждения. Возможно, такая реакция на подобное заложена создателем первоначально. Однако, когда в момент столкновения с неведомым рядом с невольным очевидцем находятся другие люди, и они дружно подтверждают реальность произошедшего, тогда у сомневающегося начинается переосмысление первоначальных убеждений, а затем прорастают первые ростки веры.

Именно такие изменения однажды произошли с моим давним хорошим знакомым, его настоящее имя вам ничего не даст, назову его Фома. А почему, думаю, сами догадаетесь. Он был неверующим. Не верил во всё нелогичное. В Бога, в черта, в приметы, в чудеса. Он долго верил только в доказанные факты, только в то, что можно потрогать и измерить. Но однажды. Его скептицизм, который он носил в себе годами, рассыпался, как картонный домик. Давно это случилось, более тридцати лет назад, но сути это не меняет.

Судьба подарила мне встречу с Фомой на Севере, где оба трудились над освоением недр нашей необъятной родины. Работали в тех самых суровых условиях, где люди часто становятся ближе, чем кровные родственники. Конечно, финансовая сторона вопроса также была важна: даже в условиях хаоса, который наступил после распада Союза, в тех краях платили неплохие деньги. Но цена им была — одиночество, лютый холод зимой, тучи гнуса летом, и постоянная готовность к любым трудностям.

Мы с Фомой не ровесники, я старше почти на пять лет. Однако наши взгляды на жизнь и профессиональный путь во многом совпадают, да и в других отношениях у нас много общего. Однако есть одна область знаний, в которой мы изначально смотрели на мироустройство по-разному. Я убеждён, что окружающий нас мир совсем не такой, каким его представляли в советскую эпоху, во времена атеизма и материализма. Уверен, что когда-нибудь откроются новые удивительные грани нашего мира, полного тайн, разгадать которые под силу только тем, кто не боится выглядеть еретиком, кто готов исследовать и удивляться. А Фома был убеждён, что всё это — выдумки. Что мир устроен рационально, понятно и просто, как таблица умножения.

Однако я, и от стариков, и от людей, несклонных к фантазиям, и которым всецело доверяю, слышал то, что идёт в разрез с материалистической концепцией мироздания. Да и меня самого с детства буквально преследует паранормальщина, потустороннее. Я уже привык к тому, что мир не всегда подчиняется общепризнанным законам. Много необъяснимых явлений повидал, есть, о чем поведать желающим послушать.

Раньше, ещё до июня 1992 года когда рассказывал Фоме о паранормальных явлениях и необъяснимых мистических событиях, включая те, что происходили со мной, он всегда слушал с большим интересом. Однако в конце каждой истории друг обязательно отмечал, что с ним ничего подобного никогда не происходило. Именно поэтому он не верит в подобные вещи и считает, что это просто невозможно. «Ты, конечно, рассказываешь увлекательно, — говорил он, — но я верю только в то, что видел сам».

Я никогда не старался переубедить собеседника, разумно полагая, всему своё время. Я просто ждал. Знал, что рано или поздно он столкнётся с тем, что не уложится в его неумолимую логику. Это было лишь вопросом времени. И, действительно, однажды для Фомы это время настало.

Родом Фома из подмосковного города Можайск. Город с богатой историей, древний, помнящий ещё нашествие татар и поляков, а в годы войны — ставший щитом на подступах к Москве. Друг с большим теплом и любовью рассказывал о нём и о своих земляках, делясь интересными историями. Там у него из родни жила только старшая сестра. Но близкими отношения между ними не были. Он уехал на Север после школы, и с тех пор они виделись редко. Связь была формальной — позвонить, поздравить с праздником, спросить, как дела, и положить трубку. Конечно, грустил по малой родине, но так уж сложились обстоятельства, что девять лет не был дома. Наконец-то в июне 1992 года звёзды удачно сложились, и он полетел на родину, где собирался весь северный отпуск провести в любимых с детства местах. Он ждал этой поездки, как манны небесной. Скучал по друзьям, по старой школе, по тихим улочкам, где прошло его детство.

И вот Фома как следует подготовился, запасся северными деликатесами, подарками для родных и друзей детства да отправился в путь. Я его проводил в аэропорт, посидели на дорожку, дожидаясь, когда объявят его рейс. И когда настал этот момент, пожелал другу хорошего полета и мягкой посадки, и, прощаясь, сказал: «Привези мне какую-нибудь историю поинтереснее». Он, зная мои увлечения необычными явлениями, с ироничной улыбкой ответил: «Ну, если услышу что-то для тебя интересное, запомню. Прилечу, расскажу. Обязуюсь!» Махнул мне рукой, и пошёл на посадку. Я смотрел ему вслед и думал: «Ну, посмотрим».

Я думал, что расстанемся минимум на месяц, однако всё сложилось иначе. Прошло дней десять, я только вернулся после смены, и тут в дверь постучали. Открываю, на пороге стоит Фома, неожиданно. По выражению лица понял, друг, как говорится, не в своей тарелке. Протягивает мне пакет и, не здороваясь, говорит: «Поговорить надо». Заглядываю в пакет, а там бутылка дорогого коньяка и закуска. Понимаю, произошло что-то неординарное. Пригласил его зайти, быстро собрал на стол. Мы выпили первую «За возвращение» и, не затягивая прелюдию, следующую «За душевную беседу». Он молчал, смотрел в одну точку, я ждал.

Ну, а дальше Фома рассказал свою историю, которая, как я вскоре понял, изменила его взгляд на мироустройство кардинально, навсегда. Он говорил сбивчиво, иногда замолкал, смотрел в сторону, как будто пытался убедиться, что это было на самом деле. Далее привожу то, что запомнилось. К сожалению, не могу точно передать его манеру выражаться, но постараюсь донести важные детали и смысл как можно точнее, без каких-либо изменений. Первую часть изложу кратко, а вторую, самую важную — подробно, от лица друга.

Понятно, как его встретили на родине. На месте оказалось немало старых друзей, одноклассников, соседей. Собралась дружная компания. В общем, парень с северов прикатил, гуляем! Сначала, как это часто бывает, они предались общим воспоминаниям, перебирая их как старые фотографии. А затем рассказали друг другу о том, что происходило с ними за время, которое они провели в разлуке. Потом гудели по полной программе несколько дней без перерыва. А тут как раз в школе, в которой Фома десять лет отучился, выпускной у его родных племянников-двойняшек подоспел. Праздник. После окончания торжественной части все желающие поехали за город на базу отдыха догуливать — дискотека, веселье. А по окончании танцев

компания решила пройти по грунтовой дороге, ведущей от базы к лесному озеру, да искупаться там в тёплой водичке. Ночь тёплая, тихая, располагает к прогулке на свежем воздухе.

Ну, это лишь предыстория, а теперь самое главное, шокирующее. От лица Фомы. Дорога от базы сначала идёт через лес, а затем, вырвавшись из объятий деревьев, поворачивает и проходит вдоль опушки, а с другой стороны обочины раскинулось широкое поле. Ночь тёмная, и, хотя на небе ясный месяц, но густые облака периодически скрывают его, и тогда видимость вокруг метров сто, сто пятьдесят. Мы шли, переговариваясь, ничто неприятного не предвещало. Вышли из леса, пошли вдоль опушки, и в какой-то момент заметили, что появился туман, из леса тонким горизонтальным слоем вытягивается, а чем дальше в поле, тем он гуще и выше. Но поначалу не придали этому никакого значения.

Идём друженько компанией, человек пятнадцать или даже больше, беседы разговариваем, вспоминаем события минувших лет. Вскоре заметили, что навстречу идут люди, но не по дороге, а немного в стороне на поле, по туману. Вереницей, а один сзади за ними на велосипеде катит. Было не очень светло, и мы стали гадать, кто это может быть: жители деревни или отдыхающие на базе, которые возвращаются с озера после купания?

Оставалось до них метров сорок, и тут почувствовалась какая-то неестественность в происходящем, что-то было не то. Когда до незнакомцев осталось метров двадцать, один из наших парней окликнул их и спросил весёлым голосом: «Откуда такие важные и куда?..» Но в ответ лишь молчание.

И тут мы как-то все разом поняли, чего не хватает этой странной картине... Звуков! Мертвая тишина с их стороны: ни звука шагов, ни голосов. Всем стало не по себе, даже как-то жутковато, мы остановились, замерли, уставившись на вереницу бредущих людей. Стояли как истуканы, а молчаливая процессия шла мимо, не обращая на нас ни малейшего внимания, совершенно бесшумно. Человек десять-двенадцать: женщины, дети, старушка. Вот они рядом, идут как-то странно, покачиваясь, как будто ноги не двигаются. Но этот эффект, может быть, из-за тумана возник. Одеты непонятно как, но не по-современному, это факт, да и не по погоде, в осенне-зимней одежде. А последний на велосипеде тип в кепке с большим козырьком и черной фуфайке, и на руке выделяется повязка белая с чёрной надписью. Из-за плеча торчит ствол винтовки.

И тут одноклассница, стоявшая рядом со мной, прошептала: «Не может быть, это ж полицай». Было реально жутко... Я смотрел на эту процессию и не мог пошевелиться. Они шли мимо нас, и казалось, что они не видят нас, не слышат нас. А молчаливая процессия повернула в глубину поля и на глазах ушла в туман, всё так же беззвучно покачиваясь из стороны в сторону. Длилось это примерно минут пять-семь, но мне показалось — час, не меньше. Всё произошедшее было похоже на страшный сон, и тем не менее это было самой доподлинной реальностью. Мы все, не сговариваясь, развернулись и быстрым шагом потопали на базу, быстренько собрали вещи и рванули домой. А для меня отпуск был испорчен, везде виделась эта картина с идущими в туман обречёнными людьми. Вот так, не пробыв на Родине и двух недель, я вернулся обратно совершенно потрясённый.

Я, конечно, сразу поверил Фоме. По моему глубокому убеждению, он не из тех, кто может обманывать или любит разыгрывать. Не тот типаж человека. Да и после этого случая его скептическое отношение к моим историям полностью исчезло. Навсегда.

А тогда мы ещё долго сидели, пили, говорили. Я не задавал ему лишних вопросов — видел, что он ещё не отошёл от шока. Но я знал: он изменился. Потому что теперь знал: мир не такой простой, каким кажется. И что за гранью нашего понимания есть что-то древнее, что не уходит, а просто ждёт. Ждёт, когда человек будем готов его увидеть.

И Фома увидел. И уже никогда не сможет это забыть.

Призрачный воин-спаситель

Необъяснимых случаев, когда незримые силы приходили на помощь нашим воинам на полях сражений Великой Отечественной войны, наберётся не одна сотня. Их не печатали в газетах, о них не говорили по радио — слишком неправдоподобно звучало для ушей, привыкших к сухим сводкам Совинформбюро. Об этом шёпотом рассказывали выжившие фронтовики, об этом иногда писали те, кто умел слушать. На самом деле таких историй — этих сгустков чуда, пробивавших жестокую реальность, было много. Фронтная жизнь — это не только бесконечные бои. Это ещё и тихие разговоры в блиндажах, когда гасят коптилку и кто-то вдруг произносит: «А знаешь, браток, что со мной в сорок первом было...». И все затихают, потому что врать солдату перед смертью не с руки.

Об одном из таких удивительных случаев я узнал ещё в советские времена от своего родного деда по отцу. Дед — человек из гранита и стали. Кадровый офицер, прошедший всю войну от первого до последнего дня, с грудью, увешанной наградами, которые надевал только на девятое мая. Надо сказать, что дед был идейным коммунистом, убеждённым атеистом и материалистом до мозга костей. Для него мир состоял из фактов. Всякая «мистика» вызывала у него лишь сухую, снисходительную усмешку. И ни во что потустороннее он никогда не верил. По крайней мере, громко. Вслух. Поэтому даже не знаю, почему он рассказал мне, ещё пацану, про явно мистический случай. Было это поздно вечером, после просмотра военной хроники, когда он был необычно молчалив и задумчив. Может быть, не верил в мистику лишь на словах? А на деле всё было иначе? Или та история была таким осколком действительности, который не укладывался ни в одну материалистическую схему, и он, честный солдат, просто не мог её забыть? Он сидел тогда у окна, курил папиросу за папиросой, дым вился под потолком, и в свете лампы его лицо казалось бронзовым изваянием, в котором вдруг проступила трещина. «Слушай, — сказал он глухо, не глядя на меня. — Расскажу тебе одну историю». И начал говорить. А я перескажу, как запомнил.

Когда произошли эти необъяснимые события, мой дед занимал должность заместителя командира БАО на аэродроме базирования бомбардировочного полка. БАО — батальон аэродромного обслуживания. Звучит скучно, но за этими словами — люди, которые просыпались затемно, замерзали на ветру, оттаивали технику, таскали, подвешивали бомбы, заправляли горячим самолёты.

Это был тяжёлый 1942-й год. Год отступления, окружений, котлов, чёрного дыма на горизонте. Воздух был напоён горечью пожарищ и тошнотворным запахом смерти. Год, когда вера в чудо для многих была последней соломинкой.

Во время возвращения с очередного боевого задания наш пикирующий бомбардировщик Пе-2 был подбит вражескими истребителями и совершил вынужденную посадку на лугуvine рядом с опушкой густого хвойного леса. Посадка была не посадкой, а падением железной раненой птицы. Фюзеляж, прошитый очередями, скрипел и дымился. Все трое членов экипажа получили ранения, больше всех пострадал командир. Стрелок-радист, юный, круглолицый паренёк, держался за вывернутую руку, лицо его было белым от боли. Штурман, молодой лейтенант, пытался помочь командиру.

С неба сбиту «Пешку» ещё поливали огнём немецкие истребители, их тени с воющим звуком проносились над поляной, сея смерть, а к месту посадки уже подтягивалась вражеская моторизованная колонна — вдалеке слышался нарастающий рокот моторов и лязг гусениц. Ситуация, казалось, была безвыходной, экипаж готовился вступить в свой последний бой на земле. Летчики решили биться до последнего, но в плен не сдаваться. Стрелок-радист, стиснув зубы, пытался снять один пулемёт из кабины железной птицы. Его пальцы, скользкие от крови, плохо слушались.

Прикидывали летчики свои шансы на спасение, и получалось, что их не было, только лишь чудо им могло помочь. И чудо произошло. Именно в тот миг, когда уже был отчётливо слышен натужный рёв мотоциклов и крики на ломаном русском: «Рус, сдавайся!»

В этот момент рядом с дымящимся, искореженным самолётом неожиданно появился мужчина. Он возник будто из самого сумрака леса, бесшумно, как тень. Седовласый, с густой бородой. Лет пятидесяти на вид, но в глазах — не возраст, а какая-то бездонная, спокойная сила. Он не спрашивал, не представлялся. Он твёрдо и повелительно, голосом, не терпящим возражений, глухим и в то же время чистым, как родниковая вода, сказал: «За мной, летуны. Идите, и живы будете. Торопиться надо».

Выбора не было, и лётчики, поддерживая друг друга, без промедления пошли за своим проводником, оставив позади гроб своего самолёта и приближающийся ад.

Неизвестному мужчине удалось прямо из-под носа немцев умыкнуть экипаж, провести его тайными тропами через чащобу, буреломы, да топкое болото, где ни пешему, ни конному дороги нет. Он шёл впереди, не оглядываясь, но всегда в нужный момент подавал руку, чтобы помочь перебраться через упавшую сосну, находил твёрдую кочку среди зыбкой трясины. Он двигался с такой уверенностью, будто вёл их не по гиблой, непроходимой глуши. Уже поздним вечером, измождённые, в грязи по пояс, но с тлеющей искрой надежды в глазах, оказались наши воины на околице лесной деревушки, в которой, как пояснил проводник, находился небольшой отряд оккупантов и предателей-полицаяев. Спаситель заверил, что именно здесь, в логове врагов, их никто искать не будет. «Под самым боком у волка — самое безопасное место», — тихо сказал он. Сам седовласый проводник в деревушку не пошёл, но подробно разъяснил, в какую избу, крайнюю, с резными наличниками, им следует обратиться, по-тихому пройдя задворками, через огороды. «Там вас примут, помогут».

А на прощание, глядя на них своими непостижимо глубокими глазами, сказал: «Все трое и дальше будете вместе летать. До Победы долетите. И домой героями вернётесь». Сказал это просто, как констатацию факта. Собственно говоря, в дальнейшем всё так и произошло. Сам спаситель неожиданно исчез, отвернулся будто к лесу, сделал шаг — и его не стало. Будто шагнул в другую дверь реальности, которую видел только он.

Действительно, лётчиков в указанном доме приютили, пожилая чета, молчаливые, с глазами, полными страха и решимости одновременно, накормили горячей картошкой в мундире, помогли раны перевязать. Хозяева при этом смертельно рисковали, ведь в деревне стоял небольшой гарнизон немцев с пособниками. Наши герои обсушились у печки, отдохнули, набрались сил и спустя пару суток тёмной, безлунной ночью покинули приют. Через неделю, пробираясь по ночам, скрываясь днём, им удалось перейти через линию фронта и благополучно вернуться в свой полк, где их уже давно считали погибшими, вычеркнув имена из списков с тяжёлым сердцем. Командир полка, когда увидел их, сначала выматерился, потом обнял, а затем уже выговорил: «Где пропадали, черти? Мы уже вашим родным похоронки отправили!».

А когда наши войска перешли в наступление и, взломав крепкую оборону, погнали фрицев на запад, то бомбардировочный полк, следуя за фронтом, перебазировался на полевой аэродром, расположенный недалеко от той самой лесной деревушки, где скрывались летчики.

При первой же возможности наши герои, уже отмеченные наградами орлы, решили отправиться туда и повидаться со своим спасителем, поблагодарить его, вручить скромный фронтовой паёк, что собрали для него — тушёнку, махорку, сахар. По приезде стали расспрашивать о нём у деревенских, описывая седые волосы, бороду, твёрдый взгляд. Когда те поняли, о ком идёт речь, то переменились в лицах, побледнели, стали испуганно креститься, шепча: «Царство ему Небесное...»

Оказалось, что, когда в первый раз к деревне подходила немецкая колонна, её поджидал неожиданный «сюрприз». Лесник, отшельник, человек крутого нрава и праведной души. Тот самый седовласый мужик, местный житель, выкопал заныканный ещё со времён Гражданской

войны пулемет «Максим» и на дальних подступах к родной деревушке в одиночку дал бой оккупантам. Встал на пути у целой роты, как сказочный богатырь на переправе. Больше десятка врагов положил.

Немцам повезло, смогли его ранить и схватить в бессознательном состоянии. Когда привели в чувство, сначала избивали, допрашивали, а потом согнали на площадь всех жителей и на их глазах повесили одинокого воина-защитника на суку старого вяза. Он не просил пощады. Смотрел на своих, кивнул, и будто сказал: «Не бойтесь». Спустя несколько дней тело героя исчезло. Ночью. Часовые клялись, что ничего не видели. Будто сама земля приняла своего сына.

С тех пор у расквартированных немцев начала твориться всевозможная чертовщина, из-за чего они в конце концов, нервные и измотанные, съехали из деревни, оставив за себя отряд местных полицейских. Но предатели недолго там хозяйничали.

Большинство из них загадочным образом один за другим отправились на тот свет. Их смерти были нелепы, страшны и необъяснимы, будто рука незримого мстителя создавала для каждого предателя свой роковой случай. Один как-то умудрился провалиться в выгребную яму сортира и не смог из неё выбраться, хотя яма была ему по пояс. Второму самогонка «не зашла», не в то горло пошла, задохнулся. Для третьего лужа возле дома оказалась глубокой, захлебнулся. Могла ли небольшая лужа быть глубиной в два метра? А стала. Ещё один, который требовал, чтобы к нему обращались пан Тодось, самый лютей был, больше всех над людьми издевался. Однажды решил изнасиловать девчонку, погнался за ней, да споткнулся на ровном месте, словно ему подножку поставили, так неудачно упал, что свернул шею. На глазах у всей деревни. И все видели, как перед падением его плечо будто дёрнула невидимая рука.

Оставшиеся полицейские были сильно напуганы, по вечерам и тем более ночью боялись выходить на улицу по одному. Они были уверены, что мстит им призрак повешенного седовласого мужчины. И деревенские в этом не сомневались. Про призрачную фигуру, появлявшуюся в сумерках у околицы или у того самого вяза, шептались все. Говорили, он не страшный. Строгий. Стоит и смотрит. Словно проверяет, всё ли в порядке на его земле.

Спустя какое-то время оставшиеся в живых полицейские загрузили на подводы награбленное добро и навсегда покинули неприветливую, для них — проклятую, деревню. Она стала чистой. Без скверны.

Такую вот невероятную историю услышал от своего деда. Он рассказывал её, глядя куда-то мимо меня, в прошлое, и в его железных глазах я видел отблеск того самого чуда. Я был молодой и не додумался тогда узнать название деревни, как звали того призрачного воина-лесника и фамилии спасённых им лётчиков. Засыпать деда вопросами в тот вечер язык не повернулся — слишком священной казалась эта история, слишком личной. К сожалению, эту ошибку никогда не исправить, мне шёл семнадцатый год, и я в те времена ещё был упрямым скептиком. Как и мой дед в молодости. Ирония судьбы. А когда стал мудрей, моего боевого деда уже не было в списках живых. Но эта история осталась. Как зарубка на памяти нашего рода. Как доказательство, что бывают чудеса не из сказок, а из плоти, крови и нестигаемого духа. И что иногда защитники Отечества не уходят навсегда. Они просто переходят в иной строй, продолжая нести свой дозор. Во веки веков.

Паранормальное на войне

Война — безжалостная, коварная гадина, которая навсегда берет в плен и не отпускает душу каждого, кто воевал и кому посчастливилось выжить. Она как мощный растворитель: постоянно бережит душу, разъедает привычный мир, обнажает подкладку бытия, в которое сквозь трещины в обыденности начинает проникать нечто необъяснимое, неведомое. Особенно там, в стреляющем Афгане, на земле, помнящей Александра Македонского, Чингисхана, англосаксов и других непрощенных гостей. Там время наслаивалось пластами, а смерть становилась повседневной, почти осязаемой субстанцией. И порой, когда тишина опускалась в ущелья, а ветер стихал, казалось, что кто-то древний и безымянный дышит тебе в спину. Иной раз неведомое являлось в таких формах, от которых даже у выдавших виды волосы вставали дыбом. Расскажу, как было. Не для сенсации. А для памяти.

Это случилось в 1988-м, в провинции Бадахшан, что упирается в Памир. Наше подразделение Войск Дяди Васи работало по конкретным разведанным. Выдвинулись к полуразрушенному, давно покинутому кишлаку. Глинобитные стены осыпались, крыши провалились, и ветер гулял по пустым дворам, как по коридорам заброшенного мира. Место было мертвое, выжженное солнцем и войной. Но недалеко, за руинами стен, словно язва на теле земли, зияло нечто иное — обширное, древнее кладбище. Не просто участок с аккуратными рядами. Это было многослойное, многовековое погребение. Каменные плиты, некоторые — с выщербленными от времени письменами, валялись в хаотичном порядке, будто выплеснутые на поверхность внутренности самих гор. При ближайшем рассмотрении сквозь пыль и патину веков проступали не только привычные полумесяцы. Там были и странные, угловатые символы, и лики, стёртые до намёка, — наследие тех, кто ходил по этим ущельям ещё до прихода ислама. Место дышало немым, тяжёлым безразличием ко всем, включая нас, временщиков с оружием. Мы были для него лишь пылью, которая ненадолго взметнулась и скоро снова осядет.

Ночью, с характерным рёвом и завихрениями пыли, нас высадила «вертушка» за несколько километров. Винты взрывали тишину, поднимая в воздух тучи песка, и мы бежали к выходу, чувствуя, как корпус Ми-8 дрожит от напряжения. Десантировались, распределили БК и по еле заметным тропам отправились в тяжелый путь. К точке подошли затемно, в предрассветной синеве, когда звёзды казались ледяными гвоздями, вбитыми в небосвод. Вокруг стояла такая затаившаяся тишина, что каждый шаг, каждый шорох камня звучал предательски громко.

По уставу и по опыту: бесшумно, как тени, заняли позиции, замаскировались, вписались в рельеф, превратившись в часть скал. Пролежали весь адски жаркий день, когда воздух дрожит над камнями, и половину ночи, когда холод пробирал до костей, несмотря на «афганку». Но «духи» в тот раз оказались умнее или удачливее — никто не появился. Сердце ухнуло, когда я услышал в наушнике команду сворачиваться. Командир принял решение на отход. Мы с моим побратимом, Джоном Беляниным из Волгограда, оставались последними. После двух часов ночи, когда тьма сгустилась до состояния чёрной, почти жидкой ваты, получили приказ прикрывать отход, идти арьергардом.

Небо было безлунным, звёзды не пробивали эту густую темень. Они словно выключились, оставив нас наедине с чернотой. Видимость — минимальная. Шли почти на ощупь, прислушиваясь не только к тишине вокруг, но и к собственному неровному дыханию. Каждый камень под ногой, каждый скрежет щебня звучал предательски громко. И вот наш путь лёг прямо через то самое древнее кладбище. Идти по нему ночью — то ещё удовольствие. Ноги цеплялись за опрокинутые стелы, в темноте они казались не камнями, а окоченевшими телами.

Внезапно метрах в тридцати впереди, над одной разрушенной гробницей, воздух сгустился. Это не был туман. Это была именно материализовавшаяся чернота, клякса, поглоща-

ющая и без того скудный свет. И в верхней части этого сгустка вспыхнули два глаза. Большие, немигающие, светящиеся не отражённым светом, а изнутри — мертвенно-зелёным, фосфоресцирующим сиянием. Я замер, и внутри меня что-то оборвалось. А эта... сущность, черная пустота с глазами, плавно, беззвучно поплыла в нашу сторону. Медленно, неотвратно.

Сердце гулко забилося, а я не мог отвести взгляд от этих горящих зеленых точек. Поверьте, на слово, у человека, привыкшего к опасности, страх имеет иной вкус. Это не паника, а ледяная волна, вышибающая воздух из лёгких и сковывающая мышцы. Холодный пот выступил по спине мгновенно, но внутри бросило в жар. Мы не сговаривались. Сработал инстинкт, отточенный месяцами боёв: две очереди, короткие, прицельные, прямо в эти зелёные точки. Грохот выстрелов в ночной тишине прозвучал оглушительно, но глаза лишь дрогнули, не погасли, не отступили. Просто продолжали двигаться на нас. И мы побежали. Не в панике, а с чёткой, диктуемой ужасом целью — уйти. Бежали, спотыкаясь о могильные плиты, и чувствовали, как за спиной, не отставая, движется эта тьма.

Оглянулись на бегу — эти проклятые глаза плыли за нами, не снижая скорости. Тогда на ходу, почти не целясь, швырнули назад по гранате РГД. Взрывы осветили на миг жуткую картину: клубы пыли, летящие осколки камней, и в центре — нетронутый чёрный силуэт с неумолимыми зелёными огнями. Добавили из подствольника — результат ноль. Гранаты рвались, но сущность продолжала двигаться. Джон матюгнулся в голос. Происходящее было за гранью понимания. Существо, нечувствительное к свинцу и железу.

Маневрируя между могилами, отстреливаясь, мы вырвались на край погоста. Там, метрах в сорока, чернела груда валунов — готовая позиция. Завалились за камни, стали перезаряжаться, судорожно вщёлкивая в автоматы полные магазины. Дрожь была, но не от холода — от всепоглощающего, животного страха перед абсолютно незнакомой угрозой. Лежим глаза в глаза с этой зеленью, уже не понимая, что делать.

А глаза тем временем докатились до последних могил, остановились, повисели в пустоте несколько вечных секунд... и просто погасли. Исчезли. Как будто их и не было. Мы начали осматриваться по сторонам, ожидая нападения с флангов. Прошла минута, другая — никакого движения, ничего. Тишина. Не стали дожидаться развязки. Подхватились и помчались к точке сбора, к своим, давясь сухим воздухом и предвкушая хоть какую-то поддержку. Я чувствовал, как земля уходит из-под ног, как в груди разрывается сердце. Когда добежали до своих, я рухнул на колени, тяжело дыша. Джон стоял, согнувшись, упираясь руками в колени, и его плечи вздрагивали.

Каково же было наше изумление, когда наш взводный, скуластый, с вечно усталыми глазами, лишь хмыкнул: «Чего, бойцы, так запыхались? От кого бежали? От тени своей?». Оказалось, они не слышали ни выстрелов, ни взрывов гранат. Абсолютно. Невероятно! Как будто там, на кладбище, действовали какие-то другие законы физики — звук в той аномальной зоне не распространялся. Я смотрел на них и не мог поверить. Как это они могли не слышать?

Мы, конечно, на них наехали, а потом выложили всё как было. Выслушали, покачали головами, пробормотали что-то про усталость и галлюцинации. Но в глазах у двух старослужащих, промелькнуло нечто знакомое — немое понимание. «Я слышал о таком, — сказал тихо один из них, сержант, повидавший многое. — У нас тоже было».

Позже, уже в расположении части, мы узнали от «дедов» ещё о нескольких таких же случаях. Выходило, сталкивались. Молчали. Потому что докладывать было нечего — непонятно что, непонятно как.

Была и другая необъяснимая история. Уже не моя, но нашего же подразделения. Мы тогда работали под Файзабадом, проводили колонны, «прочёсывали» зелёнку. Люди выматывались за трое суток до состояния зомби. Усталость превратилась в постоянного спутника, а несколько часов беспробудного сна — стала роскошью. Опустилась темная ночь, на одном из блокпостов были парные посты, но за «Утёсом» оставался один старослужащий, крепкий, выдавший виды

«дед». Вот он мне потом и рассказал, что случилось под самое утро. Под самое утро он начал клевать носом, даже медпрепараты не помогали от таких нагрузок.

И в один из моментов, когда веки сами сомкнулись, он, по его словам, не заснул, а будто провалился в иное состояние — и сразу же очнулся. И видит: на бруствере сидит солдат. В потрёпанной «эксперименталке», в линялой панаме, улыбается.

— Привет... Как дела? — спрашивает солдат.

А пулемётчик его узнаёт мгновенно. Это был парень из их же роты, пропавший без вести на одной из вылазок в горы. Все думали, он у «духов» в плену. Но вот он пришёл.

— Да вот... оставшиеся дни до дембеля считаю, — автоматически буркнул «дед», а потом до него дошло. — Ты-то как тут? Тебя же...

— Не пропал я, — перебил тот, и улыбка с его лица сошла. — Взяли. Долго пытали. Потом прикончили. А сейчас они, — он кивнул в сторону темноты за периметром, — подкрадываются к вашему блоку. Вот я и пришёл вас предупредить.

Сказал это, встал и медленно исчез... растворяясь, тая в воздухе. Пулемётчик дёрнулся, протёр глаза — и в ту же секунду его взгляд, натренированный в ночных дозорах, уловил движение в «зелёнке». Он не стал ждать, поднял тревогу, вжался в приклад «Утёса» и открыл шквальный огонь по приближающимся теньям.

Отбились. Не без потерь, его самого контузило, но блок устоял. О своём ночном визитере он молчал до самой отправки домой в Союз — знал, либо сочтут за глюк от переутомления, либо, ещё хуже, спросят за сон на боевом посту.

Вот и получается — погибший советский десантник спас сослуживцев. Пришёл из потустороннего в наш мир, чтобы спасти живых от преждевременной смерти.

Много разных необъяснимых вещей происходит в экстремальных ситуациях. Во что-то можно с большим трудом поверить, но только после употребления не одной бутылки, так сказать, чая. Однако есть и такие случаи, в которые не поверить нельзя. Как, например, в случай боевого товарища, земляка, с которым всегда встречаемся 2 августа.

С его слов, это произошло в 2001-м году в Чечне под райцентром Ачхой-Мартан. В то время, когда на Северном Кавказе находился в очередной служебной командировке. Тогда в составе сводного отряда приходилось выполнять разные служебные задачи. И не только боевые. В частности, в расположение отряда ежедневно на автоцистерне приходилось привозить питьевую воду. При этом подвоз проходил из одного места, и всегда по одному и тому же маршруту. Фактически глупое приглашение боевикам сделать на нашу колонну засаду. Смертельная рутина, против условий которой все мужики возмущались. Но командир был глух к правильным речам служивых — после нескольких покушений и подрывов сидел безвылазно в расположении.

Наступил международный женский день — 8 марта. Подъём, как всегда, затемно. До обеда сделали пару рейсов, но этого было недостаточно, поскольку в водовозку входило всего 2500 литров воды. Проголодались. Заехали на местный базар, чтобы купить лепёшек. И вот, стоя среди разногласного гвалта, мой товарищ в разгрузке «Пионер» почувствовал, как начинает что-то так сильно, нестерпимо давить на грудь. Разбрыкивается, смотрит, а это нательный православный крест — почернел и стал не просто тяжёлым, а давил на грудь физически, вызывая лёгкую боль.

Сам крестик сильно почернел, как будто его мгновенно покрыла окалина. И на душе стало мутно, тревожно, тошно. Он, человек, уже наученный горьким опытом прислушиваться к таким «звоночкам», стал уговаривать ребят: мол, хватит, не поедем больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.